

ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СМАРТ-КОНТРАКТОВ В МИРЕ, И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПРАВОВОЙ СТАТУС СМАРТ-КОНТРАКТОВ В РОССИИ

ПЕТРУК Алёна Александровна

студент

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова

г. Абакан, Россия

Смарт-контракт – является новеллой в национальном и зарубежном праве, до сих пор нет единой концепции правового регулирования этого института, способной учитывать технические особенности работы «умного договора» как программы, и его правовую природу как самоисполняющейся сделки. Данная статья посвящена сравнительному анализу законодательств государств, включивших в национальное законодательство положения о правовом статусе смарт-контрактов, так и государств, в которых отсутствуют специальные нормы, а регулирование осуществляется исходя из общих норм материального и процессуального права.

Ключевые слова: смарт-контракт, блокчейн, форма договора, правовая система, национальное право.

В настоящее время существует два основных подхода к определению правового статуса самоисполняемых сделок (смарт-контрактов).

Первый предполагает правовое регулирование смарт-контрактов, исходя из общих начал национального договорного права. В таком случае законодатель не дает определения терминам «смарт-контракта», «самоисполняющихся сделок», «технологии распределенных реестров» и смежных терминов, и не закрепляет специфические положения, четко регламентирующие правоотношения сторон смарт-контрактов. Правовое регулирование происходит по принципу «не противоречия» уже существующей юридической доктрине в сфере гражданского оборота. Так, например, в законодательствах Франции, Германии, Швейцарии, Бельгии, Великобритании отсутствует юридическое закрепление статуса «умного договора» [1].

Согласно второму подходу, для определения правового режима нового института, в национальном праве государства создается специализированное законодательство, определяющее место смарт-контракта в правовой системе государства, которое, зачастую, предполагает сопутствующее закрепление правового статуса цифровых прав и иных объектов киберпространства. Однако, внутри этого подхода существует разделение на определение смарт-контракта как компью-

терного кода, и как формы договора, т. е. самого правоотношения.

Примерами этой модели правового регулирования могут послужить правовые акты, регулирующие положение смарт-контракта в некоторых штатах США. Так, в штате Аризона был принят закон HB 2417, вносящий поправки в действующее законодательство штата и предусматривающий, что подписи, защищенные с помощью блокчейна, являются действительными электронными подписями, а смарт-контракты являются законными, подлежащими исполнению контрактами в соответствии с законодательством Аризоны.

На сегодняшний день, наиболее совершенное правовое регулирование института смарт-контракта закреплено в законодательстве США, в частности в штате Иллинойс был принят Закон «О технологии блокчейн», который определяет смарт-контракт как легитимный элемент экономических отношений, а также признает его юридическую силу в качестве доказательств в случае судебного разбирательства [2]. Закон предусматривает ограничения на использование блокчейна. Закон также налагает ограничения на возможность сторон использовать блокчейн в случаях, когда другой федеральный или нормативный акт штата требует, чтобы запись отображалась или передавалась определенным образом, либо когда использование блокчейна может препятствовать возможно-

сти другого лица хранить или извлекать из системы информацию.

Специфика государственного устройства США позволяет каждому штату самостоятельно определять правовой статус смарт-контракта, что в свою очередь может породить неоднородность правоприменительной практики в этой сфере. Таким образом, при выборе данной модели правового регулирования, возникает необходимость проработки механизма взаимодействия юрисдикций разных штатов между собой, а также с федеральным законодательством.

В Республике Беларусь, где впервые в мире был принят закон, устанавливающий правовой статус смарт-контрактам, в рамках «правового эксперимента», имеющим цель стимулирования развития цифровой экономики Республики Беларусь, были последовательно приняты законы, определяющие место смарт-контрактов в национальной правовой системе. Декрет Президента Республики Беларусь от 21.12.2017 № 8 «О развитии цифровой экономики», Указ Президента Республики Беларусь от 18.04.2019 № 148 «О цифровых банковских технологиях» наметили основы для разработки механизма регулирования гражданско-правовых и административных отношений с применением смарт-контрактов, дали определение и закрепили статус смарт-контракта, а также определили круг субъектов [3].

В законодательстве РФ отсутствует определение смарт-контракта. Исходя из положений ст. 309 и п.2 ст. 434 ГК РФ, по признакам, характерным для технологии блокчейн, можно сделать вывод о допустимости использования смарт-контракта в качестве формы договора. Несмотря на то, что в РФ был принят Федеральный закон от 31.07.2020 №259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», он не дает четкого определения смарт-контракту как правовой конструкции, что в свою

очередь нарушает принцип понятийно-терминологической определенности при совершении законотворческого процесса, и не позволяет считать его полноценным решением вопроса о закреплении статуса самоисполняемых сделок, и придания им самостоятельного юридического значения.

На сегодняшний день, в международном сообществе в целом, и в торгово-экономических и политических союзах в частности, отсутствует единый подход к определению правового статуса смарт-контракта, как нового института, являющегося неотъемлемой частью сферы цифровых прав и объектов информационной сети. Каждое государство самостоятельно решает вопрос о закреплении и определении статуса самоисполняемых сделок в национальном праве.

Невозможность прямого переноса правил правового регулирования традиционных видов и форм договоров на сделки, заключаемые в форме смарт-контрактов в свою очередь становится катализатором для качественного развития отношений между участниками рынка, обновления практики правоприменения судами во все увеличивающихся сферах цифровизации гражданских и административных сфер общества, и порождает необходимость модернизации национального и международного права.

С целью совершенствования законодательства Российской Федерации, возможно, отечественным правоведам следует опереться на опыт Республики Беларусь, как максимально приближенной стране, правовая система которой также выросла на базе советского гражданского права, и принять специальный закон, определяющий статус смарт-контракта в национальной правовой системе, дающий определение смарт-контракту как способу заключения и исполнения сделок, а также как инструменту, применяемому государственными структурами для выполнения административных функций.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ефимова Л.Г., Михеева И.Е., Чуб Д.В.* Сравнительный анализ доктринальных концепций правового регулирования смарт-контрактов в России и зарубежных странах // *Право. Журнал Высшей школы экономики.* – 2020. – № 4. – URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-doktrinalnyh-kontseptsiy-pravovogo-regulirovaniya-smart-kontraktov-v-rossii-i-zarubezhnyh-stranah> (дата обращения: 03.12.2024).

2. *Беликова К.М.* Исследование теоретических вопросов внедрения сетевых договоров (смарт-контрактов) на примере России и зарубежных стран // Социально-политические науки. – 2020. – № 5. – URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-teoreticheskikh-voprosov-vnedreniya-setevyih-dogovorov-smart-kontraktov-na-primere-rossii-i-zarubezhnyh-stran> (дата обращения: 03.12.2024).

3. *Сафаревич Д.З.* Профессионально об актуальном: О совершении и (или) исполнении юридически значимых действий посредством смарт-контрактов. – URL:<https://pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2021/aprel/61540/> (дата обращения 03.12.2024).

APPROACHES TO THE DEFINITION OF LEGAL REGULATION SMART CONTRACTS IN THE WORLD, AND THEIR IMPACT ON THE LEGAL STATUS OF SMART CONTRACTS IN RUSSIA

PETRUK Alyona Alexandrovna

Student

N.F. Katanov Khakass State University

Abakan, Russia

A smart contract is a novelty in national and foreign law, there is still no single concept of legal regulation of this institution that can take into account the technical features of the «smart contract» as a program, and its legal nature as a self-executing transaction. This article is devoted to a comparative analysis of the legislations of states that have included provisions on the legal status of smart contracts in national legislation, as well as states in which there are no special rules, and regulation is carried out on the basis of general norms of substantive and procedural law.

Keywords: smart contract, blockchain, contract form, legal system, national law.

Currently, there are two main approaches to determining the legal status of self-executing transactions (smart contracts). The first involves the legal regulation of smart contracts, based on the general principles of national contract law. In this case, the legislator does not define the terms «smart contract», «self-executing transactions», «distributed ledger technology» and related terms, and does not fix specific provisions that clearly regulate the legal relations of the parties to smart contracts. Legal regulation takes place on the principle of "non-contradiction" to the already existing legal doctrine in the field of civil turnover. For example, in the legislations of France, Germany, Switzerland, Belgium, and the United Kingdom, there is no legal consolidation of the status of a «smart contract» [1].

According to the second approach, in order to determine the legal regime of the new institution, specialized legislation is being created in the national law of the state, defining the place of a smart contract in the legal system of the state, which often involves the concomitant consolidation of the legal status of digital rights and

other objects of cyberspace. However, within this approach there is a division into the definition of a smart contract as a computer code, and as a form of contract, i. e. the legal relationship itself. Examples of this model of legal regulation can be legal acts regulating the provision of a smart contract in some US states. So, in Arizona, law HB 2417 was passed, amending the current state legislation and providing that signatures protected by blockchain are valid electronic signatures, and smart contracts are legitimate, enforceable contracts in accordance with Arizona law.

To date, the most perfect legal regulation of the smart contract institution is enshrined in US law, in particular, the State of Illinois adopted the Law «On Blockchain Technology», which defines a smart contract as a legitimate element of economic relations, and also recognizes its legal force as evidence in the event of a trial [2]. The law provides for restrictions on the use of blockchain. The law also imposes restrictions on the ability of parties to use the blockchain in cases where another federal or state regulation

requires that a record be displayed or transmitted in a certain way, or when using the blockchain may interfere with another person's ability to store or retrieve information from the system.

The specifics of the US government structure allow each state to independently determine the legal status of a smart contract, which in turn can give rise to heterogeneity of law enforcement practice in this area.

In the Republic of Belarus, where a law establishing the legal status of smart contracts was adopted for the first time in the world, as part of a «legal experiment» aimed at stimulating the development of the digital economy of the Republic of Belarus, laws defining the place of smart contracts in the national legal system were consistently adopted. Decree of the President of the Republic of Belarus dated 12/21/2017 No. 8 «On the development of the digital economy», Decree of the President of the Republic of Belarus dated 04/18/2019 No. 148 «On Digital Banking Technologies» outlined the foundations for the development of a mechanism for regulating civil and administrative relations using smart contracts, defined and consolidated the status of a smart contract, and also defined the range of subjects [3].

There is no definition of a smart contract in the legislation of the Russian Federation. Based on the provisions of Article 309 and paragraph 2 of Article 434 of the Civil Code of the Russian Federation, according to the signs characteristic of blockchain technology, it can be concluded that it is permissible to use a smart contract as a form of contract. Despite the fact that Federal Law No. 259-FZ dated 07/31/2020 «On Digital Financial Assets, Digital Currency and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» was adopted in the Russian Federa-

tion, it does not clearly define a smart contract as a legal structure, which in turn violates the principle of conceptual and terminological certainty when the commission of the legislative process, and does not allow it to be considered a full-fledged solution to the issue of consolidating the status of self-executing transactions, and giving them independent legal significance.

Today, in the international community in general, and in trade, economic and political unions in particular, there is no unified approach to determining the legal status of a smart contract as a new institution that is an integral part of the sphere of digital rights and objects of the information network. Each State independently decides on the consolidation and determination of the status of self-executing transactions in national law.

The impossibility of directly transferring the rules of legal regulation of traditional types and forms of contracts to transactions concluded in the form of smart contracts, in turn, becomes a catalyst for the qualitative development of relations between market participants, updating the practice of law enforcement by courts in the ever-increasing areas of digitalization of civil and administrative spheres of society, and creates the need to modernize national and international law.

In order to improve the legislation of the Russian Federation, perhaps domestic legal scholars should rely on the experience of the Republic of Belarus, as the closest possible country, whose legal system also grew on the basis of Soviet civil law, and adopt a special law defining the status of a smart contract in the national legal system, defining a smart contract as a way of concluding and executing transactions, as well as as a tool used by government agencies to perform administrative functions.

REFERENCES

1. *Efimova L.G., Mikheeva I.E., Chub D.V.* Comparative analysis of doctrinal concepts of legal regulation of smart-contracts in Russia and foreign countries // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2020. № 4. – URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-doktrinalnyh-kontseptsiy-pravovogo-regulirovaniya-smart-kontraktov-v-rossii-i-zarubezhnyh-stranah> (date of address: 03.12.2024).
2. *Belikova K.M.* Research of theoretical issues of the introduction of network contracts (smart contracts) on the example of Russia and foreign countries // Socio-political sciences. 2020. № 5. – URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-teoreticheskikh-vop-rossov-vnedreniya-setevyhdogovorov-smart-kontraktov-na-primere-rossii-i-zarubezhnyh-stran> (date of address: 03.12.2024).
3. *Safarevich D.Z.* Professionally about actual: On the performance and (or) execution of legally significant actions by means of smart contracts. – URL:<https://pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2021/aprel/61540/> (date of address 03.12.2024).